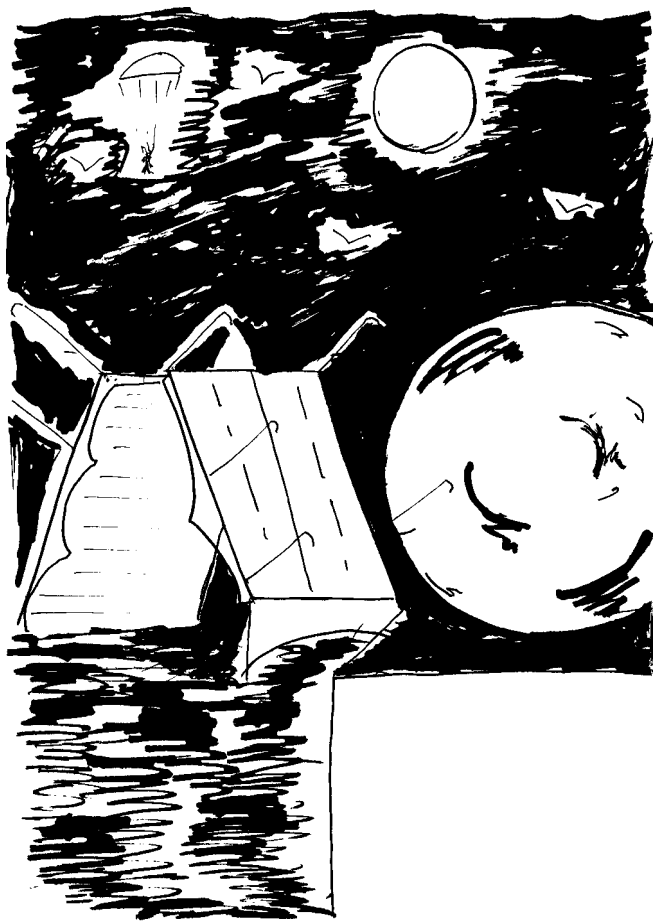

*Стоит быть богом, хотя бы
для того, чтобы верили.*

* * *

Перед прыжком я на автомате проверил подвесную, карабины и как руки дотягиваются до систем основного и запасного парашютов. Потом оглянулся и посмотрел на Антонио. Он нервничал и, отводя глаза, хлопнул мне по груди дважды ладошкой. Губы мои нарисовали в воздухе «с Богом», в следующую секунду я решительно шагнул в открытый воздух, который, пытаясь подхватить меня, быстро разогнал до пятидесяти метров в секунду. Раскинув в стороны руки и ноги, будто пытаясь объять необъятное, я радовался птицей и любовался пейзажем внизу, который тоже спешил ко мне навстречу. Всеми своими клетками я ощущал, насколько тот притягателен. Земля хотела обнять меня. Я уже предвкушал то самое острое ощущение, когда должен раскрыться парашют и тело мое зависнет в тишине,

достигнув терминальной скорости, когда я смогу просто лечь на поток воздуха. Свист тишины в ушах превратился в один сплошной крик неба, когда яркая лампочка солнца неожиданно осветила в памяти истощенный вопль маленькой Фортуны в испанском парке «Аventura» и ее лицо, искаженное капризом. Девочка непременно желала получить желтого цыпленка, которого я только что случайно выиграл в одном из аттракционов. Из ее чистых глаз катились отборные слезы.

— На! Воспитывай! — недолго думая, протянул я девочке игрушку. Та обняла ее, засветилась, и цыплят стало двое. Антонио, ее отец, в знак благодарности протянул мне открытую бутылку «испанской крови». Я глотнул вина, и мы двинулись к выходу. К жаркому солнцу на небе, от которого сильно хотелось спрятаться в тень или в море, прибавилось еще одно: Фортуна порхала от счастья впереди нас, мы втроем: я, Антонио и его жена Лара — брели, оплавленные жарой и вином, сзади. Тем летом я отдыхал с семьей моего лучшего друга на побережье Средиземного моря. В то время как мы разла-

гались на пляже, жена моя с сыном осталась дома. Несмотря на осень, климат в Испании в это время мне показался гораздо приятнее, чем в семье. Я видел разные семьи — счастливые и не очень, многочисленные и неполные, богатые и с низким уровнем жизни, с террасами для вдохновения и с тесными кухнями, где пространство было заставлено квартирными вопросами, — моя семья была без удобств. Причина, конечно же, лежала во мне. Она жила во мне своей личной жизнью и диктовала свои требования, она играла ту самую главную роль любой причины: причинять неудобства.

Номер в отеле был однокомнатный с балконом, с видом на соседний отель. Две двуспальные кровати и раскладушка. Я сразу же занял раскладушкой балкон, там и проводил все ночи под настольной лампой луны и скрипичную симфонию сверчков. После ужина в отеле Антонио и Лара, словно по договоренности, уединялись в номере, а мы с шестилетней Фортуной шли изучать окрестности, пройдя сквозь лавку, где я покупал для нее сладости, себе — бутылочку красного и хамон.

— Сегодня мы пойдем вот к той горе, видишь? — указал я ей рукой, когда мы вышли с Фортуной к побережью, которое переливалось праздными огоньками фламенко. Потом откупорил бутылку, понюхал и сделал хороший глоток. Красная магия враз погасила внутривенную жажду.

— На которой огни? — Девочка все еще надеялась, что я передумал.

— Да.

— Фу ты, так далеко. А она сама не может к нам подойти?

— Будь ты Мухаммед, она бы подошла, — взял я ее за руку.

— А это кто?

— Пророк.

— Пророк — это тот, кто предсказывает? — не останавливался поток ее мыслей.

— Да.

— Значит, как мой дедушка. Он тоже любит предсказывать футбол и погоду.

— Ну и как?

— По-разному, — сжала Фортуна крепче мою ладонь.

Мы шли медленно, наматывая на свои ноги набережную, которая, казалось, была

бесконечна. Несмотря на быстро сползающие сумерки, народу на побережье не убавлялось. Люди шли, зеркально-заинтересованные своим отдыхом, и в одну, и в другую сторону. Фортуна уже отцепилась от моей руки и весело скакала по плиткам дорожки, наступая на избранные, то и дело подбегая ко мне за новой конфетой. Потом снова исчезала, позвякивая розовым рюкзачком. Я протягивал ей кулек, из которого она вылавливала очередную порцию допинга, и удалялась. Я же прикладывался к стеклу бутылки, делая небольшие глотки прекрасного испанского пойла. Рьоха была моей любимой женщиной в этот вечер.

— Ты не скучал? — наконец, устав прыгать по тротуару, спросила она и повисла на моей руке.

— Нет. Я не умею скучать, — свернул я с асфальта на песок, ближе к морю.

— Правда?

— Да.

— А меня научишь? Я жутко как скучаю, когда одна, — согласились ее ноги с изменением маршрута.

— Хорошо, — глотнул я вина.

— Сейчас? — улыбнулась она.

— Нет, вот когда тебе станет скучно, тогда и начну учить, — сел я на песок и стал снимать сандалии. Фортуна тоже последовала моему примеру.

В этот момент, оторвавшись от стайки людей, рядом с нами полуобнаженной кометой пронеслась женщина, взвизгнув тормозами голосовых связок, за ней мужчина. Вскоре он ее догнал и завалил на песок. Женщина смеялась о чем-то безудержно, пока он не заткнул ее смех поцелуем.

— Не смотри, они целуются, — отвернулась от них Фортуна.

— Прямо жених и невеста.

— А где твоя невеста? — опять уставилась на парочку Фортуна.

— Невесты нет, есть жена, она осталась дома с сыном.

— Я тоже когда-то хотела братика. Потом решила, что лучше собаку, — отложила сандалии в сторону и увлеклась своими маленькими пальчиками на ногах, перебирая их, как кнопочки баяна.

— Чем лучше?

— Она будет моя.

— Логично. Разве у вас есть собака?

— Нет, вместо собаки мне купили платье, вот это, — встала она и расправила его. — Правда, я в нем похожа на невесту?

— Правда, — отхлебнул я из бутылки тринадцатиградусный закат.

— Ты женишься на мне, когда я вырасту?

— У меня уже есть одна жена.

— Может, разведешься? — посмотрела она на меня украдкой.

Я никак не ожидал такого поворота:

— Может, лучше искупаемся?

— Я бы на месте тети Милы своего мужа никогда бы одного не отпустила, — настаивал на своем предложении цыпленок.

— Почему?

— А кто бы тогда любил меня? Мне нравится, что ты разговариваешь со мной, как со взрослой, — поправила она косички.

— Мне тоже, — не придумал я ничего больше для ответа.

— А ты не знаешь, отчего появляется седина? — неожиданно достала из оперативной памяти залежавшийся вопрос Фортуна.

— От похолодания в мозгах.

— Мама говорит — от любви. У моего папы уже есть на висках, я видела, когда его причесывала. Ты веришь в любовь с первого взгляда?

— Нет, я верю только в кофе, утром, дома, сваренный не мной.

— Я тоже не верю.

— Тебе еще рано.

— Нет, не рано. У меня уже была. Правда, мало.

— А что случилось? — спросил я серьезно.

— Он попросил у меня карандаш. Я сказала ему, что дам, если возьмет меня в жены. Антон сказал, что подумает, и взял карандаш у Оли. С тех пор я не люблю имя Антон.

— Из-за карандаша?

— Да нет, не только. Вот папа всегда твердит, что любит маму, а как праздник — танцует с тетей Милой. Потом мама плачет всю ночь или, чего хуже, вешается тебе на шею.

— Чем хуже? — вспомнил я один из вечеров, когда она, пьяная, признавалась мне в несуществующей любви. — Это же только танцы.

— Значит, ты не любишь мою маму?

— Нет, — ответил я без раздумий, глядя на одинокую яркую звезду в небе, как на икону.

— Какое счастье!

Я тоже почувствовал себя счастливым после этого простого признания.

— И она тебя не любит?

— И она меня, — стянул я с себя шорты.

— Ах, — озвучило за нее волной и донесло до меня еще один вздох облегчения море.

— А папа любит тетю Милу?

— Не думаю.

— А ты подумай.

— Нет. Они просто дружат.

— А чего тогда мама так расстраивается?

— Мамам только дай повод, — стянул майку и кинул на песок. Потом подошел к самой воде так, что набегавшие на берег волны могли хватать меня за щиколотки. Ветер направил на меня свое дуло, пугая порывами и демонстрируя, что чем шире ты открываешь для себя мир, тем мощнее сквозняк. — Купаться будешь? — крикнул